

25 сентября 1981 г.

К 75-летию Д. Д. Шостаковича

ВЕЛИКИЙ КОМПОЗИТОР ДВАДЦАТОГО ВЕКА

В ОДНОМ из документальных фильмов о Дмитрии Дмитриевиче Шостаковиче мы видим: композитор сидит в купе мчащегося поезда и долго смотрит в окно, заплаканное дождем. За кадром звучит музыка Тринадцатой симфонии... Ни тени умиротворения на напряженном, со стиснутыми губами лице. Ни секунды покоя не дают себе пальцы рук. Незабываемое лицо человека, для которого мир — вечное рождение музыки, а музыка — вечная исповедь...

И набатом звучат в назидание поколениям будущего излюбленные мотивы великой революционной души Шостаковича: Помни! Будь достоин памяти павших борцов! Беря в лучшие, светлые идеалы правды, человечности и красоты. И служи им до конца!..

СТРАСТЬ композитора настигала его везде. «Внешняя обстановка, комфорт для меня ничего не значит», — рассказывал Шостакович. — Те, кто думает, что красивую музыку легче писать в прекрасном дворце, ошибаются. Я, например, не раз писал, сидя в поезде, в неудобной позе... Преодолевать в процессе творчества приходится самого себя, а не внешнюю среду».

«Преодолевать самого себя» — точней не мог сказать о себе этот, совестливейший человек и величайший художник нашего времени. Потому что создание музыки для Шостаковича всегда было актом борьбы за новые идеи, новую глубину мироощущения, новую красоту. И всегда — полемика. Сколько споров вызывала, например, его Четырнадцатая симфония! Шостакович не мог пройти мимо таких глобальных тем искусства, как «поэт и вечность», «жизнь и смерть». Но он подошел к ним, не повторяя ни одного из своих великих музыкальных предшественников, будь то Лист или Чайковский, Мусоргский или Рахманинов. «Я полемизирую с классиками!» — заявил композитор перед прослушиванием Четырнадцатой, в которой он ставит человека лицом к лицу со смертью лишь для того, чтобы защитить жизнь, сделать обличие смерти проповедью жизни.

В Шостаковиче-композиторе, точно так же, как в Шостаковиче-человеке, уживались рядом, казалось бы, совершенно противоположные начала: доброта и ожесточение, непреклонность фанатика и застенчивость юноши, духовность гения и трезвый материализм человека XX века. И потому в его музыке по-шекспировски близко смыкались великое и смешное, трагедия и фарс. Его сердце было всегда открыто для правды. Его острый, наблюдательный ум сохранил всегда поразительную объективность и широту видения мира.

Пятнадцать симфоний и пятнадцать квартетов, две оперы, опера и три балета, музыка инструментальных и вокальных жанров — от концерта до сонаты и фуги, от оратории до песни, музыки для театра и кино — все формы композиторского искусства объявил и реформировал могучий музыкальный интеллект Шостаковича.

Путь композитора, как известно, не был усеян сплошными лаврами, а пролегал и через зоны «отрицания», не-понимания, острого критического осуждения. Но каждый раз великий композитор-труженик отвечал на критику

только одним родом оружия: работой.

В музыке Шостаковича, как писал композитор Родион Щедрин, — «пульс нашей жизни. Она полна страстного протеста против жестокости, мещанского благодушия. И в то же время эта музыка — всегда гимн человеку... Гуманизм и гражданственность — вот тот фундамент, на котором воздвигнуто здание «стиля Шостаковича».

Он был из первого поколения воспитанников Октябрь. Он помнил взбаламученные улицы Петрограда 1917 года, стычки революционных демонстрантов с полицией. Однадцатипятнадцатый композитор уже писал в те годы свои первые сочинения — «Гимн свободе», «Солдат», «Траурный марш памяти жертв революции»...

Революция рано пробудила в нем гражданские чувства, рано связала в сознании мотивы борьбы и скорби о павших борцах. В зрелые годы эти мотивы нашли свое высокое воплощение в таких произведениях, как Десятый поэм для смешанного хора на слова революционных поэтов и Однадцатая симфония «1905 год».

«Октябрьская революция, — вспоминал Шостакович, — определила жизнь моего поколения. Стиль творчества. Тематику. Язык. А главное — она создала тот подъем эмоциональных сил и ту особую душевную «тёмпературу», которая всегда поднимает творчество над обыденной житейской суетой...» Вот почему музыка его всегда враждовала с сырьем благодушием, эстетической красотивостью игры в звуки. По словам академика Бориса Асафьева, музыку Шостаковича насыщают «звуковыразище еще не слыханной наэлектризованности: будто это не музыка, а нервный ток мощной напряженности». Порой кажется, эта музыка способна «физически» сокрушить зло.

Не было еще случая во всей музыкальной истории, чтобы огромное произведение — симфония — создавалось в гуще отражаемых исторических событий, подобно тому, как создавалась в первые месяцы Великой Отечественной войны гениальная Седьмая (Ленинградская) симфония Шостаковича.

Она создавалась как оперативный документ эпохи. В сущности, эта симфония стала фактом антифашистской борьбы, охватившей тогда все человечество.

Кадры кинохроники сохранили облик «неистового» Шостаковича, творящего за роялем, в сполохах ночного блокадного Ленинграда. Он защищал город, сочинял не-

слыханную музыку, которая, по его словам, «неудержимо рвалась из него». А потом надевал пожарную каску и шел дежурить на крыше консерватории.

Чтобы исполнить симфонию в блокадном Ленинграде, в августе 1942 года поднялся с койки стационара для больных и ослабленных дирижер Карл Элиасберг. А на эстраде Большого зала филармонии рядом с артистами во фраках сидели люди в военной форме... Седьмая симфония за один год облетела весь мир и была только в Соединенных Штатах исполнена 62 раза под управлением величайших дирижеров — Тосканини, Стоковского, Орманди, Монте, 134 радиостанций США и 99 радиостанций Латинской Америки транслировали ее исполнение. Дирижер Сергей Кусевицкий сказал тогда: «Со временем Бетховена еще не было композитора, который мог бы с такой силой внушил разговаривать с массами».

Шостакович совершил переворот в музыке. Он совершил то, о чем писал А. В. Луначарский, предсказывая приход после победы революции музыкантов «бетховенского» типа. Он возвратил симфонии (давно терпевшей кризис на Западе) ее большую многоплановую драматургию, психологическую глубину, социальное звучание.

«Главное — любовь к людям, составляющим оплот культуры, цивилизации, жизни», — говорил Шостакович, имея в виду идею своей антифашистской Седьмой симфонии. Но можно назвать это главной идеей и всего его творчества. Вне этой идеи невозможны были ни Пятая симфония о становлении личности нового человека, ни гениальная Восьмая — это «трагедийная песнь о безграничной выносливости человеческого сердца» (Б. Асафьев), ни Тринадцатая с ее пламенной защитой достоинства и свободы человека...

В свое время выдающийся советский пианист и педагог Генрих Нейгауз писал о родстве Шостаковича с Бетховеном и античным искусством: «в лице Шостаковича маятник истории опять качнулся в сторону классики». Все творчество композитора, и особенно такие его поздние творения, как Пятнадцатая симфония, Пятнадцатый квартет, последняя соната для альта и фортепиано, стало блестящим подтверждением этой прозорливой мысли, высказанной еще в пору бурных новаторских исканий великого композитора.

Т. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО,
искусствовед.